

АНТИБЕАДОТІК

Сборник рассказов

КРУБЫЕ
ЗЕРКАЛА

Артем Вадимович Чуприн

Кривые зеркала (сборник)

Текст предоставлен автором.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6596779

Аннотация

В этот небольшой сборник вошли произведения различных жанров и тем. Я хотел сыграть на том, чтобы любой открывший его мог найти рассказ себе по вкусу. Читатель, пролистывая страницы этого сборника, невольно попадет в погибшую цивилизацию, повстречается с самоубийцей и познает величайшую любовь между мужчиной и женщиной. Но он не заметит, что за окном случится катастрофа и он превратится в разумного зомби, который проповедует свою философию. Вы готовы?

Содержание

Венец творения	4
Жизнь – боль?	14
История одного дня	17
Воскрешая любовь	33
Смежный Холм, 560 год – «Эстэрская Война»	33
Смежный Холм (ныне Холм Адрекон) 563 год	37
– Окончание «Эстэрской Войны»	
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Артем Антибиотик Чуприн

Кривые зеркала

Венец творения

Подойдя к небольшой белой тумбе, что располагалась возле металлической кровати в углу неудобной комнаты, я взял телефон и набрал короткий номер. Послышались монотонные гудки и, спустя несколько мгновений, на другом конце провода мне ответили:

– Служба «Скорой помощи». Что у Вас произошло?

Пару секунд я молчал, находясь в нерешительности, затем, сделав глубокий вдох, ответил:

– Приезжайте на улицу Петроградскую, дом сорок, квартира два.... Это срочно...

– Что у Вас случилось?

Ничего больше не отвечая, я повесил трубку и замер. Тишина тут же окутала мои уши. В серой мрачной квартире не раздавалось ни единого звука, это пугало меня, заставляло нервничать. Спина вспотела, капелька пота стекала между лопаток, футболка тотчас прилипла к мокрому телу, доставляя некоторый дискомфорт, но на это мне было уже наплевать – мое сознание вдруг поглотил поток хлынувших мыслей.

Я все думал о том, что же на самом деле происходит с человеком после его смерти? Что происходит с сознанием? Если отбросить стереотипные представления о том, что душа после смерти оболочки попадает либо в Рай, либо в Ад, в зависимости от того, жил ли человек по законам Божиим или нет, то можно ли с уверенностью сказать, что душа существует? Думаю, нет. Организм человека – это единое целое, отлаженный механизм, который живет по своим установленным правилам и не нуждается в такой абстрактной вещи, как «душа», якобы являющейся двигателем процесса.

Размышляя над всем этим, я подошел к окну. Снаружи шел сильный дождь, молнии рессекали небо и тут же в мгновение ока растворялись в нем. Прекрасная погода. На улице пустынно, ни души, только редкий прохожий пробегает с зонтиком, кое-как спасаясь от ненастья.

Карета скорой помощи еще не приехала, тем лучше, они не оставляют мне выбора, придется сделать это...

Задернув шторы, продолжил дискуссию с самим с собой. Честно говоря, я не верю ни в Ад, ни в Рай, ни во что-либо еще. Ведь согласитесь, это больше походит на сказку для самых маленьких: хорошо себя веди, и получи сладости. Мне всегда было интересно: когда человек умирает, что он чувствует? Страх? Печаль? Что? Скорее всего, это зависит от обстановки, в которой его жизненный путь прекращается. Если ты умираешь от старости, в теплой постели, а за тобой ухаживают родные, и жизнь твоя прожита не зря, то в

каком-то роде ты испытываешь печаль, что больше не увидишь близких людей. А если ты умираешь от руки террориста, который огромным ножом собирается резать тебе горло, то ты проклинаешь все на свете за такую участь. В том числе и Бога, который попросту отвернулся от тебя.

Пройдя в коридор, я отворил замок входной двери, чтобы прибывшие с минуты на минуту врачи смогли беспрепятственно проникнуть внутрь квартиры.

Мысли все не унимались...

Так или иначе, люди рождаются и умирают. Если представить, что душа все же существует, но несколько в ином представлении, и является неотъемлемой частью системы организма, а религии – это выдумка или, грубо говоря, способ управления человеком, то можно сделать вывод, что душа, даже после смерти оболочки, остается в этом мире. Тогда что же она будет делать дальше после поломки контейнера? Думаю, искать новый сосуд, ведь душа – это просто энергия.

То, что я собираюсь сделать, на первый взгляд может показаться сумасшествием, однако, это, своего рода, эксперимент, по результатам которого можно определить дальнейшую судьбу человечества. Но, будучи в здравом рассудке, я, естественно, не собираюсь умирать, поэтому и вызвал «скорую», чтобы та успела меня откачать. Все это будет выглядеть, как обычная попытка суицида...

Возможно, я играю в Бога, пытаюсь постичь то, о чем другие люди даже не думают, да только существует ли он? Как

говориться, Бог создан слабыми людьми, которые не в состоянии защитить себя сами... Я не такой... Мне никто не нужен...

Вколол небольшую дозу обезболивающего, я взял кухонный нож и направился в ванну. По дороге в голове снова крутились назойливые мысли. Нет, не о том, что я собираюсь сделать, а напротив: какая же из догадок подтвердится после эксперимента. Рай? Н-е-е-е. Туда мне двери закрыты. Реинкарнация? Или ничего? Вдруг после смерти меня ждет пустота? Буду ли я готов к этому?

Я снял с тела пропотевшую футболку, бросил на грязный пол, покрытый плиткой, затем босыми ногами залез в холодную ванну. По телу пробежал небольшой озноб. Открыв кран с ледяной водой, я сел и оперся спиной о стену ванны, сконцентрировавшись на будущем действии. Трудно привести все чувства в равновесие, трудно удержать их в узде, но холод, плеск воды и цель помогли мне с этим. Тело начинало потихоньку неметь, доставляя небольшой дискомфорт, но я старался не обращать на это внимания.

Тихо журчала бегущая из крана струя воды. Я, закрыв глаза, все еще собирался с силами. Нож – инструмент, который поможет осуществить задуманное – находился в правой руке.

Зачем я это делаю? Что меня могло толкнуть на такое безрассудство? Скорее всего, интерес, который находился внутри меня, который не позволит уже отступить назад. Я одер-

жим идей...

Как ни странно, но я не чувствовал ни страха, ни грусти, ни каких-либо других эмоций. Возможно потому, что я еще ничего не сделал? Но это все равно случится рано или поздно. Наверное, Бог, если он и вправду существует, сейчас заинтригованно наблюдает за мной и с увлечением ждет, что же я буду делать. Хотя нужен ли я ему? Разве может такая мелкая сошка, привлечь внимание самого Творца? Не уверен...

Вода продолжала журчать, сполна обливая ноги. Время словно застыло, а внутри зрела решимость.

Пора...

Сжав нож и закрыв глаза, я склонился над левой рукой. Набрал в грудь воздух, полоснул лезвием по вене. Со всей силы жмурился и старался не смотреть на деяние. Все-таки я был слабонервным человеком и не хотел от вида вытекающей крови потерять сознание в самый неподходящий момент – я должен запомнить каждую мелочь!

Теперь осталось только ждать...

Приняв исходное положение, уставился глазами на белый потолок. Обезболивающие оказалось хорошее – я совершенно ничего не почувствовал, когда перерезал вену. Тем лучше для меня...

Я был все еще жив. Продолжая размышлять, одновременно дожидаясь кульминации событий, пока справа от меня, там, где располагался унитаз, вдруг не раздался голос:

– Увлекательное занятие?

От неожиданности я вздрогнул и повернулся на звук. Тепло уже практически меня не слушалось – в нем попросту не осталось сил.

На крышке унитаза сидело странное существо: оно было абсолютно голое, белоснежное и... без лица, но сомнений не было, что гость смотрит прямо на меня.

– К... кто ты? – еле выдавил я, уже не дееспособным языком.

– Ну, ну, не утруждай себя, – ласковым голосом отозвался неизвестный. – Я тот, кого вы величаете Богом.

Мой разум от потери крови уже не мог соображать трезво, поэтому я не в состоянии был отделить реальность от галлюцинаций.

– Мне понравились твоя решимость и ход мыслей, – вещал Бог. – Во многом ты оказался прав, но промахнулся лишь в одном, – он замолчал.

Я старался слушать его внимательно, но силы покидали мое тело с каждой выбрасываемой каплей крови.

– Душа – это лишь пища для Богов! – воскликнуло существо.

Эти слова прозвучали в моей голове так отчётливо, что я на миг пришел в себя. Невероятно... Как же я мог не додуматься до этого? Слова эхом переливались в моей голове, заставляя раз за разом осознавать всю правду.

– Вижу, ты удивлен, – существо продолжало сидеть на

унитазе, скрестив руки на груди. – Ничто не вечно. Золотые слова. Даже Боги могут умереть, если их не будут питать души умерших людей. Тебе судьбой было предначертано умереть в глубокой старости, но ты не захотел, отдав предпочтение своему интересу. Это достойно уважения...

Повисла пауза, а вместе с ней и тишина. Только плеск воды давал понять, что в этом мире есть еще место звукам.

– В награду за это я расскажу тебе правду: всего существует два Бога – Черный и Белый. Первый питается душами злых людей, которые опорочены грехом, второй – душами добрых, непорочных. Так было с самого основания вашей планеты. Точнее сказать, вы и созданы для того, чтобы вами питались Боги. Душа – это жизненно необходимый элемент внутри человека, без него умрешь не только ты, но и планета, а вместе с ней и Боги. Да-а-а-а, у планеты тоже есть своя душа. Дошло, почему я пришел к тебе?

Теперь, когда мой разум осознал всю правду, все таинство этого мира, я не хотел умирать. Схватившись за левую руку, принялся зажимать рану, чтобы остановить кровотечение, пока не стало совсем поздно. Это давалось с трудом. Тело наотрез отказывалось слушаться. Силы полностью иссякли, но сдаваться я все равно не хотел – не хотел умирать.

– Нет, нет, – играючи сказал Бог. – С тобой все кончено...

До моих ушей донесся звук – звук сирены. Приехала карета «скорой помощи», быть может, меня еще смогут спасти. Теперь, когда я достиг своей цели, мне попросту нельзя

умирать! Нельзя...

У меня началась истерика. Что я наделал? Слезы потекли по щекам. Коротко взыв, попытался сильнее сжать порез, цепляясь за жизнь, минуту назад с которой хотел проститься, ради абстрактной идеи, но тщетно, руки больше не подчинялись приказам головного мозга.

– Умри же здесь...

В дверь постучали, затем, раздались удивленные голоса, ведь дверь я оставил открытой. По комнатам стали бегать врачи и искать предполагаемого больного. Топот нескольких пар ног, влился потоком в мои уши. Неужели, меня спасут?

Бог, не издавая ни звука, поднялся со своего места и подошел ко мне. Дотронувшись до макушки моей головы, он тихо извинился, оставив в моей бедной голове слабую надежду на спасение. В это время дверь в ванную распахнулась, в проеме стоял врач с небольшим оранжевым ящиком. На вид прибывшему человеку было лет сорок, коротко острижен, в очках. Ни секунды не колеблясь, он подбежал ко мне, пройдя сквозь Бога, и тот в мгновение ока растворился в воздухе, не сказав ни слова...

Мне захотелось спать. Вдруг резко все стало безразлично. На душе, в которой я теперь был уверен, поселился мир и покой...

Я умер, но узнал то, ради чего жил...

...Мне в лицо ударил ослепительный свет. Щурясь от его

лучей, я со всей силы пытался разглядеть что-либо, но это не удавалось. Вскоре глаза адаптировались к условиям, и я с удивлением понял, что нахожусь в больничной палате. Все тело было словно из ваты. Пытаясь пошевелиться, лишь ощутил в висках едва заметную пульсацию. Даже пальцы практически отказывались слушаться – еще бы, потерять столько крови.

Зато все было позади: и Бог, и эксперименты, и души. Я с превеликим блаженством лежал на койке и смотрел на грязный потолок больничной палаты. Так хорошо я не чувствовал себя практически на протяжении всей жизни, и сейчас после всего этого кошмара я был по настоящему счастлив...

– Ловко ты меня одурачил, да? – вдруг раздался голос слева от кровати.

Я напрягся и повернулся на звук. К моему ужасу, на стуле подле меня сидел тот самый Бог. В моей голове все перевернулось, и счастье, которое было столь близко ко мне, вдруг улизнуло. Проклятье! Меня что, убьют?

– Как ты уже понял, я, Бог, не всесилен, и не могу распорядиться самой судьбой. Ты познал истину, друг мой, дорожи этим знанием, вскоре оно пригодится тебе, – я ошарашенно его слушал. – Ты избранный, возможно после смерти тебя ожидает небольшая работа, поминаешь, о чем я?

Естественно, я ничего не понимал. Но уточнять мне как-то не хотелось, и я просто внимал:

– Надеюсь, ты осознал глупость своего поступка и не ста-

нешь его повторять, дабы встретиться со мной, – засмеялся Бог. – Или ты знал, чем все закончиться, хитрец?

Я улыбнулся.

– Прощай человек, позвавший истину. По воле судьбы мы еще встретимся...

Он исчез, а я остался один в тихой палате.

Живой, здоровый.

Счастливый...

Жизнь – боль?

Однажды мне, хоть и не долго, но все же довелось пожить в одной очень богатой и влиятельной семье. Мне тогда было всего пара месяцев, но жизнь в этом знатном доме казалась мне раем. Еда вкусная, корзинка с теплым одеялом, ежедневные прогулки и игрушки. Да, жил я себе счастливо и горя не знал.

Мама моя – собака Армимс – пользовалась в доме уважением и любовью всех, кто ее окружал, а все из-за ее ладного характера и почти человеческого понимания. Многим казалось, что она и вовсе людскую речь понимает. Поэтому, когда родился я, хозяева решили меня оставить, ссылаясь на то, что я буду точь-в-точь, как Армимс. Гены, так сказать.

Я рос, хулиганил немного, как и все щенки, на это никто особого внимания не обращал, ведь это обычное явление, но вскоре произошел случай, который перевернул буквально все.

В один злосчастный день хозяева роскошного дома уехали по делам, не знаю куда, оставив меня наедине с няней и их сыном, которого звали Люк. Все было хорошо, пока этот маленький проказник не решил со мной немного поиграть. Ему было пять лет, поэтому гонялся за мной он исправно. Люк с дикими криками бегал за мной, я удирал, как мог. Эта веселая игра продолжалась около двадцати минут. Уже

практически догнав меня, Люк, будучи довольно упитанным мальчиком, случайно задевает очень дорогую китайскую вазу. Она немного качнувшись, падает на пол и разбивается на десятки маленьких осколков. Ребенок понимая, что натворил, убегает в свою комнату с места преступления. Я, пораженный этой картиной, стою на месте. Вдруг вбегает няня и, видя меня рядом с разбитой вазой, естественно считает меня виновным.

Вскоре приходят хозяева. Нянька сразу же рассказывает им о произошедшем. Ох, что было дальше! Крики, ругательства, вздохи, ярость. Я знал, что мне не жить. По крайней мере в доме.

Так и случилось. Хозяин, узнав кто зачинщик беспорядка, тут же выкинул меня на улицу.

Шел дождь. Несколько часов я прождал у двери, в надежде, что меня простят за несовершенный мною проступок, после чего плюнул на все и решил уйти отсюда навсегда.

Теперь я живу в глухом переулке, питаюсь отбросами, сплю в мокрой картонной коробке, тихими ночами тоскую по прежней жизни.

Жизнь – боль. Будучи в безопасном доме, я не то, что не понимал, я даже не знал такого выражения, но теперь оно врезалось в мою собачью память и жгло нутро ненавистью. Жизнь – боль.

Я ненавидел всех. Прошло две недели, две чудовищные недели моего изгнания. За эти дни меня били прохожие, ку-

сали такие же бродячие псы, отбирали еду. Люди смотрели на меня с отвращением и били, били меня. За что?

С каждым ударом или укусом, не важно, моя ненависть росла, все стали казаться мне потенциальными врагами. Даже те, кто просто проходили мимо, казались мне злобными тварями, от которых следовало ожидать чего угодно.

Шло время. Я рос, стал огрызаться, но в ответ получал только больше тумаков. Я смирился, но ненависть все росла и росла, словно снежная лавина.

Но в один прекрасный момент все прекратилось. Не вкушая пищи несколько дней, я в полном изнеможении лежал в своей коробке и попросту ждал смерти, но, видимо, рано мне еще в собачий рай.

Кто-то бережно взял меня на руки, я почувствовал опасность и хотел было огрызнуться, но силы полностью покинули мое маленькое тельце.

– Ну-ну, тише, малыш! – Сказал мне приятный голос. – Пойдем домой, я тебя накормлю.

Маленькие ручки ласково гладили меня по головке и я, впервые за все это время, почувствовал себя в полной безопасности, почувствовал себя кому-то нужным.

«Жизнь – боль? Абсурд». – Пронеслось у меня в голове и я крепко уснул...

История одного дня

Мелкие, холодные капли осеннего дождя неприятно падали на лицо, доставляя моему, искалеченному заразой, телу волну довольно неприятных ощущений. Противная влага проникала в глубокие язвы, после чего они немного пощипывали, принося с собой все больше и больше неудобств. Это немного раздражало, но сопротивляться и вставать не хотелось из упрямства – надеялся перебороть дождь. Я долго пытался одержать победу: переворачивался на бок, закрывал голову дряблыми и разъеденными проказой руками, но, в конце концов, мерзопакостная погода взяла вверх и я сдался. Открыв глаза, в мое поле зрения сразу влилось серое небо, с такими же серыми и еле-еле плывущими тучами. Осень.

Когда-то давно эта пора считалась моим любимым временем года. Помню, как я с друзьями-романтиками, такими же, как и я сам, приезжали ночевать в лес, будто первобытные люди – без всяких технологий и разнообразных примочек – только мы, костер и неутолимая жажда приключений. Остаться наедине с природой было для нас тогда величайшей наградой в жизни. Но сейчас совсем не то. Дождливое время года здесь обычное дело, и свой этакий статус оно оправдывало регулярно, сполна обдавая здешние земли влагой. Мне это уже порядком надоело...

На самом деле я не спал, просто лежал с закрытыми гла-

зами, предавшись воспоминаниям о прошлой жизни. Зомби никогда не спят – это факт...

Встав с уже сырой земли и оглядевшись по сторонам, с большим удивлением понял, что нахожусь в совершенно незнакомом мне месте. Такое бывает. Мозг иногда дает сбой в своей важной работе, который очень часто приводит вот к таким нелепым последствиям. Хотя сомневаюсь, что от моего мозга еще что-то осталось. Ну, да ладно.

Я расположился со всеми удобствами, которые мог себе позволить, в густом и практически непроглядном лесу. Метровый пяточек голой земли без каких-либо насаждений – вот и все мое жизненное пространство. Вокруг него росли могучие деревья, названия которых припомнить я уже не смог, кусты с какой-то красной ягодой и высокая, сочная трава.

Ностальгия вновь прибрала меня мягкой рукой и мне вдруг вспомнилось, как однажды с друзьями мы пошли ночью в лес и заблудились. Идти в лес, да и еще и ночью – на это мог пойти только откровенный идиот, ну или, например, банда непокрытых романтиков, чьи сердца только и жили поиском приключений. В общем, заблудились, и найти нас смогли только через двое суток. Голодных, грязных, но совершенно счастливых нас доставили домой сотрудники полиции.

Да, это была жизнь...

Я непроизвольно улыбнулся, сам не заметив этого.

Дождь становился все сильнее. Капли захлопали по вет-

хой кожаной куртке, которая была одета на мое бледное тело, и плавно небольшими ручейками сливались вниз на землю. Лысина, так же, как и лицо, покрытая язвами, намочла в считанные секунды, и теперь пекла огнём, предавая целую тонну дискомфорта. Я поспешил скрыться от ненастья под кронами тех самых могучих деревьев, наступая непослушными ногами на траву, которая была мне практически по колено.

Дождь, а значит и первая на сегодня трудность, закончился довольно быстро, только небольшие капли продолжали падать с тусклого неба, но это было уже не так страшно. Иначе говоря, я вовсе не заметил, как по широкой листве перестали барабанить капли влаги, только когда где-то там, в сером и угрюмом небе раздался тяжелый раскат грома, я вышел из внезапно наставшего забытья в реальный мир. С тоской оглядев свои скромные владения, вышел из защиты деревьев от небесного раздражителя и, возвратившись на открытую местность, уселся пятой точкой на мокрую землю. Дырявые и грязные штаны промокли сразу. Снова дискомфорт, но его я ощущал менее чувствительнее, чем телесные повреждения на голове.

Если одна проблема решена, то это абсолютно не значит, что не появятся другие намного сложнее предыдущих препятствий, но думать о грядущих делах и заботах как-то не хотелось.

Только дождь окончательно прекратил свое удобрение нашей брэнной земли, я с горечью заметил, что безумно хочу

есть. Желудок, ну или что там от него осталось, неприятно бурлил и, как мне показалось, начал есть сам себя. Довольно мерзкое чувство, поэтому пришлось тут же напрячь свой мозг, и придумать, как сварганить себе небольшое пиршество, дабы не помереть с голоду. Да, да! Зомби тоже могут умирать от голода! Какая ирония...

В этот момент справа от меня зашелестел кустарник. Я с трудом повернул непослушную голову на звук и через несколько секунд плотных раздумий, кипящих в моем мозгу, решил на свой страх и риск проверить, что за существо осмелилось меня побеспокоить. Встав на четвереньки, неуверенными поползновениями начал подбираться к зеленому насаждению и через мгновения раздвинул ветки почти неподвижной, синей рукой.

Прямо передо мной лежал серый заяц. Он был жив и смотрел на меня. В его маленьком глазу-бусинке застыл страх и, как мне показалось, наивная мольба о помощи. Ему было больно... Я оглядел его получше. Частично шерстка зверька была заляпана небольшими пятнами крови, а тонкая лапка перебита в двух местах. Скорее всего, угодил в расположенный где-то поблизости капкан. Как бы ни мучал меня голод, я все же не решился пообедать этим беззащитным животным, хотя есть хотелось отчаянно. Вместо этого я сорвал лист небольшого лопуха, который рос рядом, затем что-то напоминающее лиану, только меньше, и принялся колдовать над раной зайца. Я вдруг почувствовал себя Айболитом, ко-

торый помогает любимым раненым зверькам и это мне даже понравилось. Все-таки делать добро приятно, жаль многие глупцы этого не понимают. Если во всем видеть только плохое, можно потонуть в ненависти. Я не допущу этого...

Через некоторое время импровизированная перевязка раны была сделана и зайка, видимо, почувствовав себя лучше, заковывал прочь от моей стоянки, бросив напоследок полный благодарности взгляд...

На душе стало как-то легко и комфортно. Я вдруг почувствовал себя причастным к миру и вселенной, винтиком этой громадной системы, которую невозможно остановить обыкновенно злобой. Безусловно, делать добро и помогать нуждающимся гораздо приятнее, чем просто гнить, не ведая не о чем прекрасном...

Сидеть на месте мое атрофирующееся тело отказывалось напрочь. Хоть оно и было похоже на старый кусок мяса, все же оно требовало от меня действий, и совершенно не в моей компетенции ему отказывать. Как только погода стала потихоньку налаживаться, а солнце выглянуло из-за серой и тусклой пелены облаков, я настроил себя на долгий марш-бросок длиной целых в сотню метров. Можете смеяться, но для моих дырявых и покрытых огромными волдырями ног – это сущий кошмар. Поэтому к чему сильные напряжения? Мне еще жить вечность с ними...

Жуя вместо сочного мяса кролика зеленую и горькую траву, я думал куда пойти. Вариантов было очень много. Начи-

ная от «направо» и кончая таким направлением, как «налево». Можно, конечно, пойти еще или вперед или назад, но в моем мозгу созрело только предыдущие два направления.

Во рту оставалось всего три зуба, из этого выходит, что есть траву оказалось настолько мучительно, что после нескольких листиков я решил походить голодным. Более того, язык практически атрофировался, поэтому мне прямо-таки пальцами приходилось проталкивать еду в глотку. Отвратительная картина со стороны выглядит...

Когда все процедуры, то есть покушать и выбрать направление, были сделаны, я медленно потопал направо. Там все так же был лес, но в отличие от «лево», которое я порядком тоже успел изучить, не так заросшее.

Мне казалось, что я иду целую вечность. Хотя оглядываясь и видя в пяти метрах от себя недавнюю стоянку, я понимал, что ушел, не то чтобы не далеко, а вообще не ушел. Меня это жутко раздражало, и в порыве нахлынувшей злобы я пнул рядом росшее дерево. Зря. У меня тут же отвалилась нога. Да, ступня, прямо вместе с ботинком. Какая досада. На смену ярости внезапно пришла грусть, и мне захотелось рыдать, но вдруг мои дыры, которые были вместо ушей на лысой голове, уловили странный чавкающий звук. Словно кто-то впереди прямо за кустом жадно пожирал кого-то и делал это с таким наслаждением, что абсолютно не скрывал своих эмоций. Быстро приделав отвалившуюся ступню к ноге, я решил проверить, что происходит.

Аккуратно раздвинув кусты, мои, оставшиеся без век, красные глаза увидели типичную для этих мест и страшную именно для меня картину.

Совершенно голый покрытый кровотокащими ранами зомби нагло пожирал зайца. Того зайца, которого я спас пару часов назад. Вот он, еще не замечая меня, запихивает его внутренности в рот, размазывая кровавую жижу по своему лицу.

Я просто не мог этого вынести, поэтому решил раскрыть свое инкогнито, крикнув:

– Эй, ты, что это делаешь?!

Зомби недоуменно посмотрел на меня, затем вытащил лапу животного из окровавленной пасти и спокойно произнес:

– Кушаю.

Теперь я понял, насколько глупо прозвучал мой вопрос. Для зомби есть животных, таких как этот несчастный заяц, обычное дело. Скажем, такое же обычное, как человеку есть бутерброд с колбасой на завтрак. Но все равно мериться с этим я не стану.

– Что ты наделал?! Ты... ты – монстр! – От возмущения я совершенно потерял дар речи и, связывая слова, понимал, что выгляжу полным придурком.

Поиграв челюстью, которая выглядывала из разодранной щеки, зомби отбросил недоеденный обед и в абсолютном недоумении посмотрел на меня. Игра в «гляделки», мы пытались пересмотреть друг друга, продолжалась от силы ми-

нуты две, затем он тихо произнес:

– Ты что псих? По-твоему, я должен подохнуть с голоду? Не много ли ты на себя берешь?

Я сглотнул подошедший к горлу комок слизи и осторожно сделал шаг назад. Да, бывали такие случаи, когда зомби ели своих сородичей. И не исключение, что этот тип не сделает то же самое в отношении меня.

– Но, но разве тебе его не жалко? – Я стал немного запи- наться от нагрянувшего волнения.

Собеседник молча встал и босыми, костлявыми с огром- ными, черными ногтями, ногами наступил на разорванную тушу бедного животного. После чего немного поерзал на ней и подошел ко мне, оставляя позади кровавую цепочку сле- дов.

– Да ты реально псих. – Сказал он мне на ухо. – Ты вообще наш?

От этого вопроса мне стало не по себе. Я хотел было отве- тить, слово уже вырывалось из глотки, но зомби, раздвинул красными руками кусты, просто прошел мимо.

Почувствовав огромное облегчение после того, как пожи- ратель зайцев скрылся, я медленно склонился над остатками трупа бедного животного и тихо заплакал. Только вот вме- сто человеческих слез из глаз потекло что-то вязкое и дурно пахнущее. Но я уже не обращал на это внимание – я скорбел по усопшему, как бы глупо это не звучало...

После этого, я вдруг начал проклинять себя. Проклинять

за то, что я вовсе не такой как все. Почему я человечный?

Почему?

В то время как остальные зомби – мои братья – ищут пропитание в виде таких вот зайцев, я питаюсь горькой травой и оплакиваю трупы каких-то животных. Может я реально псих?

Кто же я?

Думаю, еще много вопросов возникнет за этот долгий день...

* * *

В отличие от большинства зомби, прекрасно помню, кем я был в прошлой жизни. Мой мозг часто посещали воспоминания о детстве, юности, о всякого рода интересных случаях, которые происходили в моей нормальной жизни. Но это было так давно, что я уже не в силах понять, было ли это на самом деле или все это порождение проказы, которая сжигает меня день за днем?

Блуждая по уже дневному лесу, размышлял о превратностях судьбы. Погода к середине дня немного порадовала: серые тучи, которые некогда терроризировали этот бранный мир, растворились в синеве ожившего неба. Я остановился и поднял непослушную голову кверху и с огромным умиротворением взглянул на эту красоту. Казалось, что вот, вот на ветках некоторых умерших деревьев набухнут почки, вокруг

веселым чириканьем запоют птички, а мир вновь вернется в свою колею. Я оглянулся, но вокруг был все тот же мрачный лес, который снова погрузил мое сознание в состояние меланхолии.

Я еще долго бродил по лесу, смотрел под ноги и просто шел, совершенно не разбирая дороги.

«Разве могут существовать чувствительные зомби, которые радуются каждому новому рассвету? Помню, как с друзьями мы в каждом походе вставали рано и наблюдали за тем, как просыпается солнце».

Может я просто схожу с ума?

Такие вот вопросы упорно бороздили мою голову в поисках ответа, но все безрезультатно. Я почему-то не чувствовал себя частью этого нового, жестокого мира, теперь я считал себя лишним. Действительно, как можно считать себя частью общества, которому не принадлежит даже частичка тебя? Ответ довольно прост – никак. Оно отторгает тебя... Вот что происходит со мной.

Развлекая себя такими вот нешуточными мыслями, не сразу заметил, что справа от меня, там, где располагался густой, колючий кустарник, раздался клацающий звук затворной рамы автомата. В голове сразу сработало – это люди. То, что они появились здесь, сулило не что иное, как беду. Человек уничтожает нас – зомби – уже на протяжении долгих лет... Но я не винил их, ведь каждый хочет выжить...

Я рефлекторно поднял руки вверх и повернулся на звук.

Через несколько секунд из соседнего куста вышел человек. В защитном комбинезоне, скрывающий его лицо, он выглядел спокойно и уверенно. Другой, что щелкал механизмом оружия, остался сидеть в кустах, прикрывая товарища.

– Что это еще за херня? – Спросил вышедший человек, неизвестно кого, оглядывая стоящего с невинным видом зомби, который, подняв руки вверх, решил сдаться. – Тот дохляк решил, что мы взяли его в заложники! – В голосе человека чувствовались нотки смеха и радости, но в тоже время недоумения.

Я понял насколько это необычно и, скорее всего, глупо выглядит, но что-либо поделать в данной ситуации было уже нельзя...

– Я – свой, – произнес я гнусавым голосом, – не стреляйте, пожалу-лу-лу-йста.

Выждав пару секунд, я стал медленно подходить к человеку, но стоило мне сделать один шаг в его сторону, как властный голос сказал:

– А ну стой на месте, кусок дерьма! – Дуло автомата уткнулось мне в грудь и все его веселье мигом улетучилось. – Эй, Долото, – окликнул он, сидящего в кустах другого человека, – Выходи оттуда и помоги мне!

В другой ситуации люди тут же размазали бы мои мозги по земле, но сейчас, видя картину, как зомби, еле стоя, на ногах, пытается убедить их, что он якобы «свой», повергло людей в некоторую озабоченность.

– Свооойй... – продолжал сипеть я, не обращая внимания на автомат.

Из кустов вышел другой человек. Он был коренастый, с черной густой бородой, и маленькими жадными глазками. Встав рядом со своим товарищем, здоровяк вытащил из кобуры, что располагалась на бедре, пистолет, и немного саркастично произнес, размахивая стволом:

– Твоя доброта всегда меня убивала. Любой зомби, пусть даже и «свой», – он хихикнул, – должен умереть.

Я испугался не на шутку и, развернувшись, принялся на утек. Но вот незадача – вся тело было, словно из ваты и напроць отказывалось слушаться. Люди не шутили. По моему бледному лицу поползли капельки холодного пота, и в голове мелькнула всего одна мысль: это конец...

– Куда же ты, милейший? – Издевательский говорил мне в след человек с пистолетом в руке.

Я бежал, точнее, ковылял, что было сил, но на подсознательном уровне чувствовал – мне не уйти. В следующий момент раздался выстрел, и все вокруг остановилось, будто в замедленном кино. Пара секунд и все вновь вернулось в привычное русло. Пуля попала в спину, и огненная боль пронзила все тело. Нет, она была вовсе не из-за крохотного кусочка свинца в спине, нет, боль была из-за непонимания и жестокости, предательства... Я подошел к ним с поднятыми руками, а они... Выстрелили мне в спину...

Подкошенный этими смешанными чувствами, я повалил-

ся на вязкую землю и остался лежать неподвижно.

– Ха, он уже труп, – сказал мужик с черной бородой и убрал свой пистолет обратно в кобуру, – пошли отсюда, Блок.

Следующие секунд пять я вслушивался в удаляющиеся от меня шаги и искренне проклинал тот день, когда последняя частичка кровожадного зомби умерла во мне. Спина горела человеческим предательством, я чувствовал, как кипит во мне злорадия, но старался всеми силами удержать ее в узде...

Нельзя быть добрым, среди моря жестокости. Это все рано, что быть бедным среди богатых – тебя попросту не поймут...

Теперь я понял это...

Пролежал на сырой земле минут двадцать и только после этого промежутка времени решил подняться и пойти туда, куда глаза глядят.

Признаюсь честно: я еще никогда не испытывал такого чувства, как отвращение, но сейчас испытывал именно его. Все вокруг, что некогда меня радовало и безвозмездно дарило тепло, осталось в прошлом...

Я ощущал перемены внутри себя...

Я менялся...

Добравшись до места, откуда я и начал сегодняшнее путешествие, лег под кронами раскидистого дерева и уснул...

Впервые в своей зомби-жизни...

Я видел сон. Это было довольно странное чувство. Будто ты вдруг оказался в совершенно другой реальности. Вот только сон этот был не очень приятный. Я видел себя светлой точкой среди огромного черного пятна. Оно причиняло мне боль, рвало на части и всячески унижало, давая понять, кто здесь главный, хозяин и кого надо слушать. Естественно, мне это не нравилось и я ворочился, мычал, махал руками, но все бесполезно...

Точка какое-то время сопротивлялась натиску тьмы, но долго такой «пресс» продолжаться не мог и белое пятно в бессилии сдалось.

Чернота, почувствовав свою чуть ли не безграничную силу, разорвало белое пятно на части, а затем просто сожрало его, поглотило, всосало в себе, лишив единственного конкурента дееспособности.

Так и человеческая ненависть жестоко пожирает все непонятное и необоснованное.... Как глупо... Как опрометчиво...

Затем во сне я оказался в лесу вместе со своими давними друзьями. Теперь сон казался мне довольно приятным, если бы вдруг не появившиеся зомби. Они жрали моих друзей, я кричал от страха, не в силах что-либо предпринять. Потом, видя кровь и смерть, я сам захотел есть. Подойдя к

уцелевшему товарищу, который смотрел на меня, умоляя о помощи, я схватил его за голову и вгрызся зубами в его шею. Кровь хлынула фонтаном, но это лишь добавило мне азарта. Я помог ему, помог умереть, утолив свой голод...

Я проснулся от ужасных ощущений. В районе живота что-то неприятно бурлило, заставляя мое затуманенное сознание метаться в поисках возможных догадок происходящего.

На дворе было темно, но полная Луна разгоняла мрак на том пяточке леса, где я располагался. Проказница-ночь незаметно подкралось ко мне, и прикрыла мягкой рукой сладкого сна. Да вот только сновидение было, мягко сказать, не очень. Да и не спал я уже много-много лет. Странно все это...

После встречи с людьми во мне все еще полыхала ярость, а сон про пятна только подлил масла в огонь. Я вдруг осознал истину, истину того, что в каком бы ты не был обществе, ты не должен ему противостоять или отличаться от него. Иначе, ты не жилец...

Этот урок я усвоил...

На отлично...

Неприятное чувство в животе все больше усиливалось, и я вдруг понял, что просто хочу есть. Это была обычная потребность зомби. Мозг, раздраженный произошедшим, отказывался работать. Я его не виню, тем более после того, что ему пришлось сегодня пережить...

На самом деле я благодарен всем событиям – они открыли мои пока зрячие, но все еще не видящие глаза.

Я не добряк, отнюдь нет...

Справа от меня что-то звонко пискнуло. Я принял сидячее положение и посмотрел в сторону раздавшегося снова звука. На сырой земле сидела и грызла кукую-то семечку полевая мышь. Она совершенно меня не боялась и это меня немного смутило. Наверное, так наивно выглядел я несколько часов назад перед людьми, надеясь на их милость. Уголки моих губ поползли вверх, улыбаясь тупости хозяина.

Я положил измученную болезнью руку на мокрую после утреннего дождя землю и зверек, бросив недоеденную семечку, принялся нюхать мою конечность в поисках опасности. Осознав, что там безопасно, мышка залезла на ладонь. Я поднес ее к лицу и принялся визуальнo изучать.

«Глупое животное, в этом жестоком и беспощадном мире нельзя никому доверять».

С этой мыслью я сильно сжал ладонь в кулак и убил невинное создание.

«Я не готов умереть от голода, чтобы жила ты...» – подумалось вдруг в моей голове, и я вонзил свои гнилые остатки зубов и маленькое тельце мыши...

Вкусно!

Воскрешая любовь

Смежный Холм, 560 год – «Эстэрская Война»

Мое тело в бессилии упало на колени и склонилось над изувеченным трупом женщины. За последние, долгие месяцы кровопролитий на этой жестокой войне практически не за что, я впервые потерял нечто для меня дорогое. Гибли люди, которых я мог назвать своими друзьями, товарищи и знакомые, но на их место всегда могут придти новые, а эту утрату мне уже не восполнить ни чем...

Небо, словно оплакивая жертву, разразилось тихим дождем, который часто застучал по земле и листьям местной флоры. Холодные капли влаги, падали на остывающее тело моей бывшей жены, смывая кровь и унося ее глубоко в землю, оскверненную множественными убийствами, насилием и цинизмом. Я ничего не мог поделать, даже магия иногда, оказывается, не всесильна, поэтому все, что мне оставалось, это оплакивать и безутешно скорбеть по утрате всю свою оставшуюся жизнь... Я к этому не готов, черт возьми!

Моя дорогая жена не вернется ко мне уже никогда и на ее место не придет другая – моя душа просто ее отторгнет...

Безысходность...

– Да будь вы прокляты, Эстэры! – Заорал я в темное небо. Мой крик разнесся эхом по окрестностям и потонул в нарастающей тишине временного спокойствия.

– Ты что, Дэстор! Остынь! – Сказал грубоватый голос позади меня. – Люди услышат.

– Удар прав, – вторил первому голосу другой немного гнусноватый голосок, – пойми, ее больше нет, а если будем медлить и оставаться на месте, то и нас больше не будет!

Я развернулся и бросил на них яростный взгляд. Они не понимали, что я потерял, какой удар мне нанесли, нет, они не знали, что такое любить, а тем более быть любимыми, но все же продолжали твердить, что такая утрата, как эта, не очень важна в нынешней ситуации. Конечно, их волновали собственные шкуры и только, что выводило из себя. Вообще, любому разумному существу свойственно говорить с уверенностью обо всем, чего даже с ними не происходило. Я не осуждаю, ибо сам таковым являюсь, но со стороны это выглядело довольно смехотворно.

Поймав мою злобную ауру, два стоящих мага поняли, что их слова ранили меня и потупили взгляды. Они оба были крепкие, в черных балахонах с капюшонами. От цвета одежды их фигуры практически сливались с окружающей тьмой, отчего видеть их было довольно проблематично. На лице обладателя грубого голоса – Удора – был ожог в виде буквы «А» – клеймо, определяющее высшего мага. Другой – Клео

– был еще новичком, который знал всего несколько заклинаний, но в нем были явные задатки, чтобы получить такую же метку – это лишь вопрос времени...

Я снова посмотрел на девушку. Из открытой ножевой раны сочилась кровь. Возможно, ее еще можно было бы спасти, если удар пришелся не в сердце. Жестокое время. Уже полгода идет война, в которой тебя могут убить только потому, что ты маг и умеешь то, чего другим не дано... Боже, до чего мы дошли... Война людей с волшебниками, причем расклад не в нашу пользу...

Слезы текли по щекам и падали на лицо моей возлюбленной. Господи, как тяжела утрата! Не верю, что дальше смогу идти вперед с такой ношей. Я положил голову на грудь уже холодного трупа и так остался лежать, время от времени всхлипывая носом.

Справа от нас, метрах в двадцати, что-то взорвалось. Через несколько секунд ребята, стоящие позади, почуяли запах гари. Сомнений быть не могло – это люди. Только Эстэры могут жечь чужие деревни и без разбору уничтожать всех магов, будь то женщина или даже ребенок, прикрываясь правилами военного времени. Здесь эти дрянные законы зовутся трусостью и только. Мы – маги – так никогда не поступаем!

– Давай, Дэстор, вставай! – Прикрикнул на меня Удор. Его грубоватый голос частично вернул меня в реальность. – Иначе люди нас поджарят! Ты же их знаешь!

Я спокойно поднялся с влажной земли, дождь все еще

продолжал добротнo поливать эту преступную землю, и, бросив полный печали взгляд на труп женщины, некогда считавшейся моей женой, убежал, наступая ногами на лужи, в темный лес вслед за товарищами под яркие вспышки молний в ночном небе...

Мы еще встретимся, Охара, я обещаю...

Смежный Холм (ныне Холм Адрекон) 563 год – Окончание «Эстэрской Войны»

Неизвестно, сколько бы еще шла эта ужасная война, если не внезапная смена правителя. Три года назад, когда собственно и началась эта «кровавая баня», во главе Смежного Холма стоял Эстэр по имени Крижва. Он ненавидел магов всем сердцем, уж не знаю, что у него там с ними случилось, но злобу по отношению к нам трудно было не заметить. Мы старались не обращать внимания на все проводимые им провокации, опираясь на дружбу, которая текла между народами вот уже целую сотню лет.

До пятьсот шестидесятого года повода для мясорубки не было, и гнусный правитель своими откровенно негативными действиями подталкивал людей против магов. Благо мы не ненавидели друг друга, как хотела власть, поэтому его фанатичную ненависть попросту игнорировали, а подначивающие фразы попросту пропускали мимо ушей. Все было как обычно, пока в пятьсот шестидесятом году маг по имени Алескос случайно не убил своего товарища. К сожалению, погибшим оказался Эстэр. Это был чистой воды несчастный случай, но Крижва, легко воспользовавшись ситуацией, смог стравить людей против магов. Так и началась трехлетняя

«Эстэрская Война» – глупая, кровавая, нечего не принесящая резня из-за дурацки и неоправданной ненависти правителя. Но народ не мог понять, что проливает кровь даром – людей просто затуманили тем, что убили своего и надо отомстить. А маги просто старались не умереть и убивали убийц...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.